

ГЕРМАНСКАЯ ПРОБЛЕМА В БРИТАНСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТАХ 1813—1814 гг.

Л. А. Зак

Английская буржуазная историография в лице Чарльза Вебстера и Сетон-Уотсона¹, явно искажая исторические факты, выступает с апологией внешней политики британского министра иностранных дел в 1812—1822 гг., реакционера Кэстльри. В частности, Вебстер, изучавший политику Кэстльри на последнем этапе наполеоновских войн, изображает его идеологом европейского сотрудничества и «защитником» независимости малых стран.

Дипломатические документы британского министерства иностранных дел, опубликованные в 1921 г. тем же Вебстером, дают совершенно иную картину поведения Англии в 1813—1814 годах². Документы эти могут служить иллюстрацией к анализу британской политики на Венском конгрессе, который был дан молодым Энгельсом в его статье «Положение Германии». Энгельс указывал, что на Венском конгрессе Англия отчетливо знала, чего хотела: она стремилась «сохранить и расширить своё коммерческое превосходство, удержать львиную долю из колониального грабежа и ослабить всех остальных»³. И действительно, «Англия больше увеличила свои морские силы во время мира, чем во время войны, и получила главенство на всех континентальных рынках, которые не нужны были английскому народу, но являлись средствами огромного обогащения для английских средних классов... Эта часть английского народа могла, конечно, хвастаться своим великодушием, побудившим её послать огромные суммы денег для продолжения войны с Наполеоном; но если мы даже предположим, что они, а не рабочий класс, уплачили эти субсидии, то они своим великодушием имели в виду исключительно одно: открыть континентальные рынки»⁴.

Вебстер и другие английские и неанглийские буржуазные историки не критически отнеслись к материалам указанного сборника документов Форейн Оффис и ограничились главным образом использованием ранее известной и заботливо отобранной переписки Кэстльри⁵. Между тем эти материалы проливают новый свет на британскую политику в годы войны за освобождение Германии от власти Наполеона. Исследование их

приводит нас к выводу, что британская политика 1813—1814 гг. по отношению к Германии, ставившая целью проникновение на германские рынки и создание антифранцузского барьера на востоке Франции, отличалась не только гибкостью и полной неразборчивостью в выборе средств, но и твёрдым постоянством целей, унаследованных ещё от Питта-младшего.

Министр иностранных дел Кэстльри стремился обеспечить дипломатическими средствами прежде всего разгром или, в крайнем случае, решительное поражение Франции. К этой цели были направлены весной 1813 г. все его усилия; этой главной целью и определялся выбор средств, остальное зависело от обстоятельств. Кабинет министров принял «установочное» решение об английской политике только в конце года⁶. До тех пор все средства были хороши, все обязательства приемлемы, лишь бы добиться максимального участия других союзников в разгроме или поражении наполеоновской Франции и расширения состава союзной коалиции.

С этой точки зрения вполне объяснимо то обстоятельство, что весной 1813 г. отношение английской дипломатии к Пруссии, несмотря на все прежние размолвки, было куда более благоприятным, чем отношение к Австрии, которая формально всё ещё оставалась союзницей Франции. В Англии с большой опаской взирали на австрийскую посредничество 1813 г., да и на политику Меттерниха вообще; в Меттернихе видели творца «семейного союза» Франции Бонапарта и Австрии Габсбургов, организатора брака Наполеона с Марией-Луизой.

Одной из причин такого недоверия к Австрии была неудача миссии Уолполя, предпринятой английским посольством в России на рубеже 1812 и 1813 гг. с целью побудить Австрию переменить фронт в войне⁷. Другой причиной недоверия было несогласие Австрии с Калишским договором между Россией и Пруссией от 28 февраля 1813 года. Английское правительство одобряло Калишский договор, предопределявший роль сильной Пруссии в будущей Германии, также одобряло оно и Бреславльское соглашение между Россией и Пруссией от 19 марта 1813 г. об управлении освобождённых от французского владычества районов Германии⁸.

¹ Webster C. The Foreign policy of Castlereagh, 1812—1815; Seton-Watson p. Britain in Europe (1789—1914).

² «British diplomacy, 1813—1815». Select documents dealing with the reconstruction of Europe. Ed. by C. K. Webster. London. 1921.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. V, стр. 13.

⁴ Там же, стр. 13—14.

⁵ Мы имеем в виду 12-томное издание под общим заглавием «Memoirs and Correspondence of Viscount Castlereagh», опубликованное в 1848—1853 гг. Лондондерри.

⁶ 26 декабря 1813 г.; ср. документ 70 — Меморандум кабинета министров по случаю миссии лорда Кэстльри в Европу. «British Diplomacy», стр. 123—128.

⁷ О миссии Уолполя см. у И. Звавича. Меттерних и Отечественная война 1812 г. «Исторические записки». Т. XVI.

⁸ Ср. инструкцию Кэстльри Каткарту от 9 апреля 1813 года. «British Diplomacy», стр. 2, 3, и инструкцию от 20 апреля. «British Diplomacy», стр. 3, 4.

Сильная Пруссия — вот средство английской политики, и к этому средству несколько раз возвращался Кэстльри в своих инструкциях английскому посланнику при русском дворе, Каткарту. Кэстльри полемизировал по этому вопросу даже с графом Мюнстером, представителем находившегося в изгнании ганноверского правительства в Лондоне, а в лице Мюнстера — и с принцем-регентом (будущий Георг IV).

В инструкции Каткарту 20 апреля 1813 г. Кэстльри писал: «Основной вопрос заключается в том, кому в дальнейшем будет принадлежать контроль в пределах Германии (точно — германского государства. — Л. 3.). В недавние времена соперничество между Австрией и Пруссией ослабило германскую конфедерацию и дало Франции превосходство. Чтобы сделать Австрию господствующей державой (в Германии), многие умные политики, и среди них граф Мюнстер, предпочли бы несколько ограничить могущество Пруссии. Возможно, что теоретически они и правы в своих взглядах, но мне с самого начала казалось, как вам уже известно, что основной целью было побудить Пруссию вступить в войну, так как без помощи Пруссии Россия не могла бы начать наступление (в глубь Германии); к тому же такое решение Пруссии было необходимым предварительным условием перемен в политике со стороны Австрии. Поэтому я склоняюсь к мнению, чтобы, в полном согласии с Бреславльским соглашением, заручиться поддержкой Пруссии; чтобы эта поддержка могла быть получена и Пруссия начала действовать, необходимо полное её воссоединение. Нельзя не учитывать, что этот необходимый политический акт возрождает вопрос о борьбе за преобладание между правительствами Вены и Берлина, вопрос, который в дальнейшем может быть трудно будет разрешить: но это — меньшее зло, и нужно всё подчинять великой цели — их внешнему единению против Франции».

Как видно, ни о какой независимости малых стран здесь нет и речи. Кэстльри открыто иронизировал над теоретическими построениями Мюнстера и других ганноверцев, а также их сторонников в Англии, которые не понимали тактической необходимости уступок и обещаний Пруссии. Само собой разумеется, что и Кэстльри считал необходимым восстановить Ганновер. Но при этом он имел в виду интересы Ганноверской династии, уже обеспеченные Капишским договором, интересы брауншвейгской ветви того же Ганноверского дома, и, наконец, такое разграничение Ганновера и Пруссии, при котором у Ганновера оставались самостоятельный выход к морю (по течению реки Эмс) и непосредственная граница с Голландией. Последняя являлась предметом особых интересов английской политики.

Все эти династические и территориальные интересы Ганновера, по мысли Кэстльри, могли и должны были быть обеспечены путём соглашения с Пруссией. Кэстльри выражал надежду, что посредничество Рос-

сии между Пруссией и Ганновером будет способствовать такому полюбовному соглашению. На будущее главной целью британского министра оставалось не столько обеспечение партикулярных интересов Ганновера, хотя бы и связанного личной унией с Англией, сколько обеспечение германского «барьера» против возможной повторной агрессии со стороны Франции, после того как побеждённая Франция примет условия победителей.

С этой точки зрения Пруссия представляла для Англии несомненные преимущества перед Ганновером. Прошёл XVIII век с его наёмными армиями из «немецких пудренных дружин», на рейнской границе Англии необходимо было сильное немецкое государство, способное поднять народную армию против общего врага — Франции. Этим государством, по мнению английского министра иностранных дел (и в этом отношении он, бесспорно, выражал мнение всего кабинета), могла быть Пруссия и только Пруссия. Поэтому, формулируя цели войны за освобождение Германии, британская дипломатия считала совершенно необходимым не только ликвидацию Рейнского союза и королевства Вестфальского, но именно такую ликвидацию, которая сделала бы Пруссию самым сильным немецким государством на Рейне. Кэстльри и тогда и впоследствии придерживался того взгляда, что Пруссии следует предоставить «искушение» утвердиться и на левом берегу Рейна, в непосредственной военной близости к Франции¹⁰. При этом он ссылался на взгляды покойного Питта, который в 1805 г. имел в виду то же самое.

Следует отметить, что такие взгляды были выражены Питтом до разгрома Пруссии Наполеоном. Кэстльри же возвращался к ним после того, как с Пруссии был снят военный ореол. Но вместе с тем события 1813—1814 гг. подтвердили значимость прусских военных реформ, да и не было в Германии других государственных образований, способных заменить Пруссию.

Уже в 1814 г. Кэстльри поддержал прусский план возвращения баварского Пфальца Баварии¹¹: считалось, что для английских интересов всего важнее противопоставить Франции на Рейне действительно «импозантный фронт» из Баварии на юге и Пруссии на севере.

Кэстльри готов был при этом кое в чём пойти против интересов Оранского дома в Голландии. Он признаёт: «Такое решение с территориальной точки зрения менее выгодно для Оранского дома, чем того хотелось бы; может быть, кое-какое изменение в этом отношении и могло бы быть достигнуто, но основной вопрос для голландцев, как и для нас, заключается в том, что является наибольшей гарантией мира и как предотвратить подчинение Нидерландов Франции. С этой точки зрения, которая

¹⁰ См. по этому поводу интереснейшую депешу Кэстльри Веллингтону из Вены от 1 октября 1814 года. «British Diplomacy», стр. 195—197.

¹¹ С передачей той же Баварии крепости Люксембург. — Л. 3.

⁹ «British Diplomacy», стр. 3.

является для Англии основной, я сомневаюсь в том, чтобы было наиболее благоразумным основывать нашу систему обороны исключительно на могуществе принца Оранского»¹² (т. е. Голландии).

К этому Кэстльри не забывает добавить, чтобы внести ясность в отношении Англии к протезируемому ею Оранскому дому: «Следует учесть, что народ Нидерландов обессилен значительными военными предприятиями недавнего прошлого, а также и то, каковы основные политические принципы голландского правительства» (Кэстльри имеет в виду стремление Голландии обеспечить для себя признанный державами постоянный нейтралитет, что было недостаточно для поддержания антифранцузского барьера).

Таким образом, можно констатировать, что в лице Пруссии Англия искала в 1813 г. противовес французскому военному могуществу. Англия ставила Пруссию в пример Австрии и готова была платить Пруссии за её участие в войне значительными территориальными уступками, — конечно, за чужой счёт, и прежде всего за счёт территорий на Рейне. Англия отнюдь не была расположена поддерживать такие малые страны, как Голландия, или такое немецкое государство второго ранга, как Ганновер, если возникало противоречие между основными интересами Англии и приводящими, в конце концов, второрядными династическими интересами ганноверско-британского королевского дома.

С этой точки зрения справедливо будет сказать, что Англия несёт свою долю ответственности за вторичное историческое усиление Пруссии в начале XIX в., точно так же как она, несомненно, отвечала за усиление Пруссии Фридриха II в XVIII веке. Английская дипломатия в 1813—1814 гг., до окончательного разгрома наполеоновской Франции, многое поставила на прусскую карту. И впоследствии целью англо-австро-французского союза от 3 января 1815 г. было не ущемление Пруссии, а отрыв её от России¹³.

В то же время британская дипломатия ни в начале 1813 г., ни впоследствии, в 1814—1815 гг., вовсе не стремилась обеспечить единство всей или Северной Германии под эгидой сильной Пруссии, как того хотели Гнейзенау, Шарнгорст и другие прусские патриоты, проживавшие в Пруссии или в английской эмиграции¹⁴.

В цитированной выше инструкции Кэстльри Каткарту от 20 апреля 1813 г. речь идёт о внутреннем устройстве Германии. Гнейзенау ссылался на мнение Кэстльри, будто бы последний склонялся к двудельной конфедерации в Германии под разделным покрови-

тельством обеих больших военных держав (Пруссии и Австрии. — Л. З.). Решительно опровергая такое истолкование его взглядов со стороны Гнейзенау, а также со стороны Мюнстера, который в этом вопросе был заодно с Гнейзенау, Кэстльри писал: «Я мог говорить и, возможно, говорил о значении того, чтобы обе эти державы были восстановлены в своём прежнем положении и могуществе как естественный и необходимый барьер для обеспечения севера и юга Германии против Франции, но что касается их внутренних взаимоотношений, я никогда не занимался этим вопросом достаточно, чтобы прийти к окончательному мнению, в особенности к положительному решению о желательности распада (точнее — роспуска. — Л. З.) древней конституции Германии».

Ссылка Кэстльри на то, что он недостаточно знаком с вопросом о внутреннем устройстве Германии, должна быть, на наш взгляд, понята в двух смыслах: во-первых, Кэстльри не хотел идти на поводу ни у ганноверцев, ни у кого-либо из германских эмигрантов в Англии: он хотел использовать немцев в британских интересах; во-вторых, английская дипломатия не считала в начале 1813 г. (в апреле, а тем более ещё раньше, когда у Кэстльри были переговоры с Гнейзенау) вопрос о внутреннем устройстве Германии актуальным и подлежащим немедленному решению. Во всяком случае, расположенный к значительному территориальному переустройству Германии в интересах создания «барьера», Кэстльри мысленно обращался назад, к отменённой Наполеоном старинной конституции империи: от неё, как от своего рода исходного пункта, и отправлялась британская дипломатия.

Трудно было быть более реакционным, — так далеко назад не заходил и Меттерних, считавшийся с тем, что его государь Франц носил уже самостоятельный титул императора Австрии; так далеко назад не заходили ни Пруссия, ни, тем более, Россия. Россия поддерживала тогда барона Штейна в его попытках административной реформы германского союза на началах федерации, гораздо более прочной, чем существовавшая прежде, до событий начала века. Англия в лице Кэстльри никоим образом не собиралась быть повивальной бабкой прогресса в Германии. Документы говорят об этом точнее, чем последующие домыслы английских буржуазно-либеральных историков.

Во многих английских дипломатических документах 1813—1814 гг. мы встречаем термин «независимость Германии». Однако нигде он не истолкован прямо и сколько-нибудь точно; понимать его в дальнейшем могли, как хотели. Правда, в документах говорилось, что одной из британских целей войны является достижение «независимой» Германии¹⁵, но Кэстльри имел в виду под этим только независимость всех государств и всей территории Германии от французского вла-

¹² «British Diplomacy», стр. 196.

¹³ Об этом откровенно пишет Кэстльри в депеше к премьер-министру Ливерпулю из Вены 2 января 1815 года. «British Diplomacy», стр. 280.

¹⁴ См. по этому поводу меморандум Гнейзенау для английского правительства, полностью напечатанный у Пертца в его биографии Гнейзенау: Pertz. Das Leben Gneisenaus. Bd. II, SS. 315—330.

¹⁵ Ср., например, инструкцию Кэстльри Стюарту от 17 декабря 1813 года. «Независимость Германии» названа здесь рядом с независимостью Нидерландов, Испании и Италии. «British Diplomacy», стр. 93.

ли установлены номинально соответствующие запрещения, они бы постоянно обходились. Ведь хорошо известно, что до того, как был произведён окончательный раздел Польши, большие количества британских товаров, запрещённых в России, всегда находили доступ туда через польские порты).

Если мы проанализируем отношение Англии к территориальным и иным претензиям Ганновера, то убедимся, что последний имел для Англии значение северо-западного торгового плацдарма для проникновения в Германию. В этом смысле поддержка территориальных притязаний Ганновера сочеталась в британской политике с притязаниями Англии на Гельголанд, принадлежавший Дании, и с общей политической открытостью для торговли устьев германских рек. Как известно, Англия всячески стремилась помешать французскому влиянию в Дании и тем более суверенитету или господству Франции или её союзницы, Дании, над областями между голландской и датской границами (т. е. на северо-западном побережье). Бремен и Гамбург в руках Франции, Альтона в руках Дании, а также оккупация французами Ольденбурга и Ганновера закрывали доступ английской торговле в Восточную и Южную Германию, да и в Россию, во всяком случае, за пределами балтийской и беломорской торговли. Ганновер и Гельголанд являлись английскими воротами в Германию, т. е. воротами ко всему тому сложному конгломерату больших и малых территорий, которые могли быть, с коммерческой точки зрения, важнейшим контрагентом в европейской торговле Англии.

Можно было в интересах Англии допустить Пруссию на левый берег Рейна. Здесь Пруссия представила бы собой часть нужного Англии антифранцузского барьера, но к Северному морю допускать Пруссию Англия не собиралась. Этот выход к морю она хотела если не сохранить за собой, то, во всяком случае, держать в дружественных руках или под своим контролем. Для этого полезно было вернуться к старой системе конституционных отношений, очень подходящих для торговли вообще и для обхода запретительных ограничений. Этот обход можно было назвать (и враги Англии в течение четверти века привыкли уже называть его) английской контрабандой.

Поворот в английской политике по отношению к Австрии в сторону нового сближения с этой державой после довольно продолжительного разрыва с ней (1809—1813) наступил только в начале осени 1813 г., т. е. после присоединения Австрии к союзной коалиции. Английская дипломатия была недовольна военными усилиями Австрии и отказывалась понять, почему Австрия так медленно вовлекалась в борьбу против общего врага. Не доверяя Меттерниху, британская дипломатия готова была иметь с ним дело на тех же началах, что и с Бернадоттом, т. е. безотносительно к его недавней близости с Наполеоном и на основе общих интересов. Даже в сентябре 1813 г. сближение Англии и Австрии ещё не состоялось. В особо доверительном послании Кэстльри к Эбердину от 21 сентября

1813 г. министр иностранных дел писал, что Эбердину доведётся испытать в Вене свои дипломатические таланты; придётся немало «поработать веслом», чтобы привести австрийскую шлюпку в английскую гавань²².

Кэстльри дал указание, как именно должно было «бороться веслом»: «Если вы найдёте нужным, вы скажете Меттерниху, что я готов принять его союзником на основе его собственных заявлений о дружбе, и всякое решительное усилие с его стороны будет встречено проявлением доброй воли и доверия с моей стороны; лишь бы он действовал решительно и уверенно, я буду защищать его так же усердно, как я защищаю против всех его недругов наследного принца шведского (Бернадотта. — Л. З.), я надеюсь, что эта защита будет не менее успешной»²³.

На Бернадотта не в одной Англии многие смотрели как на изменника, С. Р. Воронцов, например, считал союз с ним ошибкой Александра I. Бездеятельность Меттерниха в первой половине 1813 г. вызывала у многих английских наблюдателей нетерпеливое возмущение, не меньше, чем бездеятельность Бернадотта и шведов в борьбе против Франции. Но с привлечением Австрии в коалицию британская дипломатия готова была простить Меттерниху прошлое во имя непосредственного будущего. Мало было, конечно, обещаний и ласки для Меттерниха лично, нужно было открыть для Австрии британскую мощь.

Как показывают британские дипломатические документы, англичане очень скоро установили, что Австрия отчаянно боялась «народной войны».

Считая обращение к народу временным средством, необходимым для успеха войны, Кэстльри ещё в октябре 1813 г. писал Эбердину: «Вся военная история революции (французской. — Л. З.) учит нас, что чудовище, однажды рождённое на французской почве, может вырваться из узды и искать себе пища за пределами Франции. Вот настоящая опасность, против которой следует бороться странам континента, и в особенности Австрии: ей следует, не теряя ни одного часа, обратиться с решительным призывом к народу. Народ — это теперь единственный барьер. Народ против Франции, и народ — это тот щит, который более всего надлежит государству противопоставить агрессору, чтобы защитить себя, в особенности такому государству, как Австрия, которое вовсе лишено естественных (легко защищаемых) рубежей»²⁴.

Кэстльри тогда же настойчиво советовал Австрии идти по пути России, организовавшей у себя в 1812 г. народную войну против наполеоновской армии, и по пути Пруссии с её армией, набранной на основе обязательной военной службы.

Но как скоро исчезли эти обращения к Австрии! Не прошло и четырёх месяцев, как Кэстльри убедился в полной неспособности Австрии поднять народ против французов

²² «British Diplomacy», стр. 97.

²³ Там же, стр. 98.

²⁴ Документ 59 от 15 сентября 1813 года. «British Diplomacy», стр. 102—106.

где бы то ни было, даже в Тироле. В конце января 1814 г. Кэстльри решительно отказался от попыток обращения к народам Австрии и погрузился всецело в династическую политику. В депеше из Базеля на имя премьер-министра Ливерпуля 22 января 1814 г. он указывает, что в беседах с Меттернихом он перешёл к обсуждению вопроса о будущих взаимоотношениях династии Габсбургов с династиями, которые окажутся затем правящими во Франции и в государствах Италии²⁵. На этой почве и против России Александра I, главного защитника «конституционных хартий», произошло затем объединение Австрии и Англии в делах Италии и всей Южной Европы.

Сотрудничество Англии и Австрии наметилось раньше всего и полнее всего в итальянских делах. В этой области Австрия составляла для Англии естественное продолжение антифранцузского барьера: как Пруссию на Рейне, так и Австрию на По другие державы заменить никак не могли. Вот почему английские дипломаты, настойчиво добиваясь возвращения Австрии иллирийских территорий (с Триестом) и передачи ей (в обход формулы «границ 1805 г.» и доктрины легитимизма) Венеции, в то же время не стремились к экспансии Австрии в других направлениях — восточном и юго-восточном.

Что же касается Германии, то здесь Англия склонна была поддерживать династическую претензию Габсбургов на конституционное руководство германским государственным организмом (как бы последний ни сложился). Англия не собиралась настаивать при этом на какой-либо окончательной и твёрдой формуле. Изображая себя незаинтересованной стороной, Англия навязывала Австрии своё посредничество в устройстве внутригерманских дел, в частности в отношениях с Баварией.

Британская дипломатия исходила из того мнения, что в Тироле австрийское влияние должно быть антифранцузским, а баварское — франкофильским. Поэтому в Лондоне хотели видеть Тироль австрийским, и британские дипломаты готовы были забыть о предательской роли австрийского императора по отношению к восставшим, тем более, что в 1813 г. с именем императора Франца в Тироле можно было сделать немного. Вместе с тем и Бавария, как мы видели, нужна была Англии; британская дипломатия не собиралась наказывать Баварию в угоду Австрии. Другое дело — Саксония. Поскольку Саксония являлась государством на Эльбе, а путь по Эльбе всегда был одним из важнейших для британской торговли, Англия держалась по отношению к саксонскому вопросу, столь обострившемуся в 1814 г., позиции, характерной для её среднегерманских интересов, а не для военно-стратегических мотивов её западногерманской политики (антифранцузский барьер). Так, в связи с отказом Австрии от решительной антифранцузской позиции весной

и летом 1813 г., британская дипломатия упрекала Австрию в том, что именно из-за неё «была потеряна» Саксония.

В каком смысле следовало понимать эту потерю? Не в смысле военно-стратегическом, конечно, так как Саксония вскоре была отвоевана союзниками, но даже, если бы этого не случилось, Саксония не могла представить собой значительной величины или длительного фактора в том огромном сражении между коалицией и Наполеоном, которое разыгрывалось на полях Германии.

Английская дипломатия сожалела о потере Саксонии по другим причинам: Англии хотелось именно не завоевания Саксонии, а её привлечения на сторону союзной коалиции. Привлечение всякого, даже слабого союзника в Германии удешевляло войну для Англии — кассира или банкира коалиции. Но и помимо этого британские дипломаты, бесспорно, не хотели видеть Саксонию в руках Пруссии. Они не хотели, чтобы из-за Саксонии удлинилась до неузнаваемости австро-прусская граница и чтобы, таким образом, соперничество между Австрией и Пруссией сразу же после победы над Францией приняло обостренный характер.

Саксонский вопрос для британской дипломатии не был, таким образом, только оборотной стороной польского вопроса, хотя и имел связь с ним, в особенности перед «стадиями» Наполеона. Сама по себе Саксония на Эльбе привлекала внимание Англии как контрагент и как конкурент, но вопрос о том, в какой мере британская дипломатия или даже лондонское Сити были осведомлены о росте текстильной промышленности и других отраслей хозяйства Саксонии в 1805—1812 гг., нуждается ещё в исследовании и не может быть решён на основе рассматриваемых нами здесь британских дипломатических документов. Молчание их по этому поводу заставляет нас предположить, что было бы чрезмерной модернизацией приписывать Англии только мотив экономической конкуренции в её саксонской политике.

Скорее можно допустить, что позиция Англии определялась интересом к Эльбе как к пути проникновения английских товаров в глубь Европы; Гамбург, Магдебург, Лейпциг были здесь этапами на пути английских товаров. Подтверждение этому мы находим в проектах британского вторжения в Германию, которые строили на рубеже 1812 и 1813 гг. немецкие эмигранты. Мюнстер, Гнейзенау, а также сам Штейн намечали путь для вторжения английских и ганноверских войск с северо-запада, ссылаясь на старые британские связи немецких городов по Эльбе и по северо-западному побережью²⁶.

Политика Англии не имела полного успеха ни в Западной, ни в Средней Германии. Английское посредничество во внутренних делах Германии не было принято. Саксонский вопрос был решён, в конце концов, не так, как хотели англичане, хотя не обошлось и без английских поправок (раздел Саксонии на две части был осуществлён отчасти

²⁵ Ср. «British Diplomacy», стр. 137, 138, а также следующую депешу по тому же адресу из Лангра (стр. 138—140) от 29 января 1814 года.

²⁶ См. Stein. Archiv. Bd. IV, S. 153—155; также Pertz. Указ. соч. Т. II.

вследствие нажима Кэстльри). Но Англия захватила всё-таки Гельголанд, который затем, как известно, не оправдал репутации Гибралтара германского северо-запада.

Пруссия воспользовалась прежними английскими обещаниями и английской поддержкой на Рейне, но осталась недовольной отношением Англии к среднегерманским проблемам. Итогом английской политики в Германии в 1813—1814 гг. оказалось англо-австрийское сближение, оправданное не столько германскими делами, сколько другими общеевропейскими политическими проблемами.

Изучение германской проблемы в английских дипломатических документах 1813—1814 гг. приводит нас, таким образом, к следующим выводам. Во-первых, следует отметить, что 1813 год был поворотным в английской политике в Германии. Британские дипломаты начали с завещания Питта, и политики XVIII в.—с заботы о создании антифранцузского барьера на западе Германии, и одновременно с политики «единого» германского сопротивления Наполеону под эгидой Пруссии. Они кончили англо-австрийским соглашением и поддержкой австрийских легитимистских позиций в Германии.

Второй вывод заключается в том, что ганноверские династические интересы уже в начале XIX в. не играли определяющей роли в британской политике. Но возможен был союз или, по крайней мере, единство взглядов на основе династических интересов короны (принца-регента) и британских торго-

вых интересов (Сити). Сити стремилось обеспечить британские позиции в устьях и по течению германских рек — Эльбы, Везера, Эмса — для развития торговли в будущем. Это сближало Сити с ганноверской кликой. Но силы сторон были неравны: ганноверцам никогда не принадлежало преобладание. Британская дипломатия не раз извлекала пользу из своего сближения с Ганновером, однако не видно, чтобы она когда-нибудь приносила жертвы.

Наконец, третий вывод уводит нас за пределы непосредственной темы. Англия в своей политике в Германии в 1813 г., но не в 1814—1815 гг., ещё стремилась избежать столкновений с Россией. О своих планах и взглядах в германском вопросе Кэстльри в первую очередь писал послу при русском дворе Каткарту, и последний должен был согласовать эти планы и взгляды с Александром I. Ограниченность военных усилий Англии, неизбежное признание англичанами, что Россия является станovým хребтом союзной коалиции, и полная неуверенность в своих континентальных союзниках, кроме слабой Швеции и неспособной к активным действиям (за пределами собственной территории) Испании, — все эти обстоятельства лишили Англию в 1813 г. всякой способности успешно противостоять России. Только после разгрома Франции английские дипломаты стали смелее возражать против преобладающей роли России в послевоенном устройстве Германии, стремясь, как заметил Энгельс, «ослабить всех», а прежде всего Россию.